

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-42-66>

«ЯЗЫКОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ» КАК ИДЕОЛОГЕМА

УДК 81'27

Ольга Б. Януш

ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», Россия

Наиль М. Мухарянов

ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», Россия

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Академии наук Республики Татарстан

Аннотация

В статье рассматриваются тенденции идейно-информационной динамики и концептуальные образования, увязывающие свойства суверенности и политico-языкового функционирования в современных российских условиях. Предпосылки актуализации этой тематики формируются в контексте семантической деривации концептов как в вариантах линейного структурирования субстантивных значений «отраслевых» суверенитетов, так и в так и в качественно иных коллокаций концептов с акцентами на ценностно-символических смыслах. «Языковой суверенитет» анализируется как декларативная норма законодательства начала 1990-х годов, как фрейм-идеологема в нынешнем публично-информационном пространстве и как стратегическая установка современной языковой политики. Языковые аспекты в дискурсах суверенности, как показано в статье, претерпевают рефрейминг от интенций декларативно-нормативного оснащения дву- и многоязычия и регулирования языковых ситуаций к когнитивным структурам, определяемым в качестве идеологемы, ориентированной на коммуникативную сплоченность общества на основе общего кода, который был бы способен развиваться на своей собственной основе. Смысловой дуализм суверенитета – независимость и верховенство – применительно к языку получает свое преломление. Из этого следует потребность в предотвращении в институциональной коммуникации не только избыточного использования заимствований, но и иных субстандартных отклонений собственно русскоязычной природы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: суверенитет, суверенность, язык, фреймы-идеологемы, суверенитет Российской Федерации в языковой сфере, суверенная языковая политика, когнитивная политика

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-42-66>

“LANGUAGE SOVEREIGNTY” AS AN IDEOLOGEME

UDC 81'27

Olga B. Yanush

Kazan State Power
Engineering University,
Russian Federation

Nail M. Mukharyamov

Kazan State Power
Engineering University,
Russian Federation

Abstract

The article explores the ideological and informational dynamics, as well as the conceptual formations, that connect the notions of sovereignty with the political and linguistic functioning of contemporary Russia. The relevance of this topic emerges within the context of the semantic evolution of key concepts, both through the linear structuring of the substantive meanings of various forms of “sectoral” sovereignty and through occasional conceptual collocations that emphasize value-symbolic dimensions.

The notion of *language sovereignty* is analyzed, first, as a declarative legal norm established in the early 1990s; second, as a frame-ideologeme within the current public information space; and third, as a strategic principle of language policy. Corresponding to this threefold distinction, the linguistic aspects within discourses of sovereignty undergo significant reframing. As the article demonstrates, they shift from the declarative and normative intentions of supporting bi- and multilingualism and regulating linguistic situations toward cognitive structures conceptualized as an ideologeme aimed at fostering communicative cohesion within society on the basis of a common linguistic code capable of self-sustained development. The semantic dualism of sovereignty – independence and supremacy – is reinterpreted in relation to language. This implies the need to prevent not only the excessive use of borrowings in institutional communication but also other substandard deviations inherent to the Russian language.

KEYWORDS: sovereignty, sovereignness, language, ideological frames, sovereignty of the Russian Federation in the language sphere, sovereign language policy, cognitive policy

Acknowledgments

The study was carried out with the financial support of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Ol'ga B. Yanush, Nail' M. Mukharyamov, 2025

1 | Вместо введения: суверенитет и фреймы суверенности

Категория «суверенитет» и формируемые в связи с ней концептуальные образования обладают такими конфигурациями значений, которые заведомо исключают какую-либо одномерность. Смысловая множественность в этой области заложена и в политической онтологии, и в соответствующей эпистемологии, и, как следствие, в полиморфной семантике. Запрос на «суверенность во всем» – одна из самых заметных черт сегодняшнего информационно-политического пространства страны¹. Номенклатура предметов, на которые распространяется такой запрос, приобретает небывало расширенный вид, охватывая самые разнородные явления [См. подробнее: Януш, Мухаряров, 2025].

Помимо исходной смысловой двойственности в понимании суверенитета – дистинкция верховенства и независимости – существует и более широкий спектр вариантов логических оппозиций, в которых оказываются те или иные значения рассматриваемого понятия.

Суверенитет Российской Федерации закреплен в Основном Законе как одна из основ конституционного строя (статьи 3, 4), следовательно, имеет высокий государственно-правовой статус. Изменения в Конституции, введенные Законом РФ от 14.03.2020, включают часть 2, Статьи 67 – «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности». Дефиниция Конституционного суда РФ, на которую ссылаются эксперты, относится не к традиционно понимаемым источникам права (нормам конституционного права), а к области правовой (конституционной) доктрины, т.е. совокупности теоретически осмысливших взглядов, позиций ученых, компетентных мнений правоведов, в том числе, позиции Конституционного суда². В каких бы областях социально-политической жизни ни артикулировалась проблематика суверенитета (шире – суверенности), практически всегда складывается гетерогенная в смысловом отношении картина.

В официальных материалах Комиссии Совета Федерации РФ по защите государственного суверенитета говорится: «Понятие государственный суверенитет многомерно. Оно включает далеко не одни лишь формально-правовые, политические

¹ Как рушатся четыре столпа глобального западного господства. (2024). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vz.ru/world/2024/11/21/1299185.html>. Дата обращения: 28.04.2025.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. N 10-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации". (2000). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/act/federative/12119810/>. Дата обращения: 28.04.2025.

элементы, не только проецируется на проблематику производственно-техническую и финансово-экономическую, но и подразумевает суверенитет информационный, культурный, духовно-нравственный»³.

Ранее сенаторами были выделены наиболее широко обсуждаемые аспекты суверенитета: политический, военный, электоральный, финансово-экономический, энергетический, технологический, продовольственный, социально-культурный⁴.

В номинации «культурный суверенитет» по ситуации 2018 года, как отмечалось, у России 13-15-ая рейтинговая позиция (среди государств, входящих в G-20) на одном уровне с Бразилией и Аргентиной⁵.

Концептуальный аппарат – совокупность производных коллокаций с присутствием «суверенитета» и в виде логического подлежащего, и в виде логического сказуемого – уместно рассматривать в когнитивных структурах фрейма. Суверенитет в исходном значении – это качественный признак независимой и признанной государственности. Использование аналитических процедур, связанных с фреймами, как подробнее будет показано ниже, вполне обосновано. Это обрамляющие контуры представлений, когда в этих рамках, как предполагается, присутствуют отдельные «ячейки», заполнить которые еще предстоит в зависимости от контекстов.

В предметном поле суверенности можно выделить не один, а множество фреймов с общей производящей основой и линейной семантической деривацией. Таких фреймов-схем, по всей вероятности, будет столько, сколько будет рассматриваемых контекстов и выбранных точек зрения. Даже поверхностный обзор публично-информационного пространства в его жанровом разнообразии показывает, что помимо традиционных лексических конструкций в больших количествах стали появляться парадоксальные, казалось бы, понятийные образования и производные коллокации – от «цивилизационно-ценостного» суверенитета до «редкоземельного». Вероятно, при безграничной *ad hoc* концептуализации свойств суверенности говорить о доступности каких-либо линейно структурированных

³ Специальный доклад Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации «Об особенностях защиты государственного суверенитета России в 2022-2023 годах» (2023). Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/staticdoc/FwwwyGgcNeIDHovF9zLtk0eeVkUcIEiE.pdf>. Дата обращения: 28.04.2025.

⁴ Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (2018). С. 17-18. Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/G6hNGZ3VbQNiMdZki1BKbrsr vuRxPwim.pdf>. Дата обращения: 28.04.2025.

⁵ Там же. – С. 19, 24.

классификациях весьма проблематично. Однако в интересах научного анализа отнесение конкретных случаев к определенным типологическим разрядам, по-видимому, было бы небесполезным.

Существует возможность выбора тех или иных оснований и принципов для систематизации если не онтологии, то фреймов суверенности. К примеру, продуктивностью обладает градация соответствующих свойств субъектности в дистинкциях субстантивного (функционального), с одной стороны, и символического, с другой стороны. Или, как предлагается в работах Дж. Лакоффа – различения «материальной политики» и «когнитивной политики» [Lakoff, 2009: 169-175].

Ракурс, связанный с выделением фреймов, позволяет выделить не только международно-правовой, государственно- и конституционно-правовой варианты словоупотреблений, контекстов в коннотациях полнотыластной компетенции и правовой исключительности, но и в других перспективах.

Отдельный фрейм может рассматриваться в понятиях политического, но «экстра-легального», то есть – в отличиях языка политики и языка властного управления [См.: Мухаряров, 2024]. Тогда в эту фреймовую схему могут включаться предикаты - «реальный», «ограниченный», «амбивалентный», «операциональный», «нетерриториальный», «электоральный», кроме того, суверенитет может выступать как синоним субъектности.

Отдельную группу образуют концепты ценностного (аксиологического) плана, очерчиваемые понятийными структурами «цивилизационного», «культурного» плана, концептами «суверенной идентичности» (“self-sovereign identity”). В зарубежной литературе нередки примеры использования концептов «ментального суверенитета», «когнитивного суверенитета», «нarrативного суверенитета», «эпистемологического суверенитета» и т. п.

Применительно к предмету изложения в этой статье целесообразно отдельно сфокусироваться на разграничении двух фреймовых образований. Первое подлежит субстантивной верификации, второе становится продуктом семиотизации (так сказать, ознакования) в случаях, когда, с точки зрения когнитивной семантики, отсутствуют «доконцептуальные структуры» [Лакофф, 2003: 393].

Есть институционально оформленные разновидности суверенитета: технологический суверенитет⁶; цифровой суверенитет, киберсуверенитет, суверенный искусственный

⁶ Технологический суверенитет – «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический

интеллект, суверенитет данных, «суверенные фонды», «суверенные обязательства», «суверенные облигации» и проч. Эти предметы поддаются квалиметрии – количественным методам оценивания качества.

Есть и суверенитеты ценностного порядка, представляющие собой знаковое оформление представлений, убеждений, социальных интересов или фреймов-идеологем.

2 | Язык и суверенитет: концептуальные реинкарнации

Многообразны понятийные сочетания со словом «суверенитет», возникающие в разнообразных контекстах и смысловых аранжировках - академических, медийных, политико-правовых, формально-юридических и т. п.

Отношения властовования, с одной стороны, и языковые отношения, с другой стороны, соприсутствуют и переплетаются в своих глубоких онтологических основаниях [См.: Бурдье, 2022: 601, 602; Гиренок, 2024: 164, 165]. Столь же тесно могут взаимодействовать категории политического и лингвистического⁷.

В конкретно-научной перспективе, в предметном поле прикладной (макро)социолингвистики языковой суверенитет предстает в работах зарубежных исследователей как принцип языкового планирования и управления культурно-языковым многообразием. Видение предмета выстраивается под воздействием методологических установок постколониального плана и сохранения языков коренных народов.

Так, на одном из ресурсов можно видеть такую дефиницию: «Языковой суверенитет – это неотъемлемое право коренных народов контролировать, управлять и возрождать свои исконные языки. Речь идёт об уважении к этим языкам как к живым культурным, историческим и этническим символам. Языки коренных народов – это не просто средства коммуникации, но и хранилища традиционных знаний, мировоззрений и связи с предками» [A Renewed Commitment, 2024]. Профессор Университета Британской Колумбии (Канада) Дэвид Грэмлинг, трактуя эту проблему, делает акцент на внешних воздействиях со стороны

суверенитет обеспечивается в 2 основных формах - исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами» // Концепция технологического развития на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р (2023). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://technological-2023.pdf>. Дата обращения: 30.04.2025.

⁷ См. подробнее: Мухарянов Н.М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко /ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 677-684.

экспертов по языковому планированию из метрополий: «Это вмешательство специалистов в языки на протяжении последних пяти столетий является противоположностью тому, что мы могли бы назвать «уважением к языковому суверенитету»: убеждению, что не в компетенции чужаков, переселенцев, гостей, учащихся и посетителей определять, что нужно языку и сообществам его носителей» [On respecting].

В российском дискурсе о языковой политике термин «языковой суверенитет» имел на исторических рубежах 1980-1990-х и 2020-х годов двоякий генезис.

Во-первых, процессы перехода бывших союзных республик СССР к независимости, проходившие по-разному, практически повсеместно были синхронизированы с политизацией «языкового вопроса» и его использования в интересах этнополитической радикализации. Феномен «мобилизованного лингвизма» подробно документирован и исследован в работах М.Н. Губогло. Характеризуя 1989-й как «год языковой реформы», предшествовавший 1990-му – «году суверенизации бывших союзных республик», автор отдельно отмечал политическую функцию этой реформы, которая «связана с общей борьбой республики за суверенитет и независимость, а также с борьбой заинтересованных группировок людей за власть» [Губогло, 1998: 167, 341]. За короткое время – с января 1989 г. по май 1990 г. были приняты законы, наделяющие титульные языки статусом государственных в республиках Балтии, Средней Азии, в Молдавии, Украине. В Закавказье соответствующие конституционные нормы были приняты еще в 1978 году. При этом автор делает акцент не социолингвистическом, а на инструментальном характере принятых решений: «Разработка и принятие законов о языке (и языках) определяли новые взаимоотношения не между языками и их носителями, а между союзными республиками и Москвой» [Губогло, 1998: 168].

Во-вторых, «языковой суверенитет» появился как юридическая конструкция в первоначальной редакции Закона Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года № 1807-1. Статья 2 этого акта закрепляла языковой суверенитет как «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использование языка общения» (Пункт 1). Нормы, устанавливаемые законом, распространялись «на граждан РСФСР, а также на лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РСФСР». Пункт 3 в редакции 1991 года, а также принятая одновременно с законом «Декларация о языках народов России» гарантировали каждому (по

смыслу, видимо, и апатридам) «право каждого человека на свободный выбор языка обучения, воспитания и интеллектуального творчества»⁸.

По понятным причинам, формуле «языковой суверенитет», закрепляющей права «каждого человека» на выбор языка, включая сферу образования, не суждено было сохраниться на длительное время [См. подробнее: Мухаряров, Януш: 2020]. Уже в 1998 году в российский «языковой» закон были внесены поправки, заменившие термин «языковой суверенитет» на конструкцию «равноправие языков». Они остались без дефинитивных изменений в соответствующих пунктах, но было проведено изъятие из закона положения о свободном выборе языка обучения и воспитания. Заместившая «суверенитет» терминологическая конструкция «равноправие языков народов Российской Федерации» при этом, правда, была распространена не только на лиц без гражданства, но и на иностранных граждан⁹.

Очевидно, что применение названной нормы для регулирования поведения всех без исключения участников правоотношений практически не реализуемо. Это звучит особенно правдоподобно, если учесть сегодняшнюю миграционную ситуацию или языковые требования при приеме на обучение в общеобразовательные учреждения по отношению к детям мигрантов.

По своему происхождению упомянутые положения раннего российского законодательства о языках появились под влиянием политico-идеологической конъюнктуры, в частности, процессов дезинтеграции Союзной государственности, атмосферы своеобразного перестроичного демократического романтизма. По правовой природе «языковой суверенитет» следует, по-видимому, расценивать как норму не императивного, но диспозитивного характера (что предполагает свободный выбор поведения участников правоотношений). По смыслу – к декларативным и целевым нормам, к нормам-принципам. И по форме, и по содержанию эта норма отражала, скорее, образы желаемого, ассоциативно приближаясь к фреймам-идеологемам. Наконец, и первоначальная, и действующая редакции Закона «О языках народов Российской Федерации» не содержат предметно-определенных экспликаций такой дилеммы языкового регулирования, как соотношение подходов, ориентированных на территориальный и персональный принципы к языковым правам.

⁸ Ведомости Съезда народных депутатов РСФРС и Верховного Совета РСФСР. – 1991. - № 50. – С. 1742.

⁹ Ст.2, п. 4 в ред. Федерального закона от 24.07.1998 № 126-ФЗ.

«Языковой суверенитет», а после 1998 г. «равноправие языков народов Российской Федерации» распространяются на каждого человека, независимо от гражданства. Это явное и недвусмысленное акцентирование персонального режима языковых прав. Хотя, «равноправие» применительно к языкам само по себе выглядит небесспорным из-за того, что язык, подразумеваемый в виделингвистической сущности, наделяется не свойственными ей по определению признаками правосубъектности. Эта конструкция сама по себе уже производит впечатление продукта в виде фрейма-идеологемы и риторической фигуры.

Территориальный же принцип представлен в рассматриваемом акте как нечто вторичное и отмеченное модальностью не императивного, но допустимого. Республики, как гласит Закон, вправе устанавливать свои государственные языки, согласно известному положению Конституции РФ. Субъекты Российской Федерации «вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [Ст. 3, п. 3]. Последнее подразумевает также и приоритетность персонального режима: речь идет о дву- и многоязычии как объектах правового обеспечения. Территориальный режим отражен не в юридической конструкции с использованием социолингвистических понятий, описывающих сообщества и коллективы носителей языка, а в протокольно-бюрократической стилистике. «В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущих за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности» [Ст. 3, п. 4]. Следует специально зафиксировать следующий факт – эта формулировка является продуктом специфической юридической техники, применявшейся в обстановке политico-идеологической фрустрации в период распада государственности Союза ССР в 1990-м или в «году суверенизации бывших союзных республик», согласно уже приводившейся здесь периодизации «мобилизованного лингвиизма» [Губогло, 1998: 167]. Законодательный конструкт был позаимствован из Закона СССР (от 26 апреля 1990 г.) «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР», принимавшегося ситуативно, в режиме запаздывания принятого акта¹⁰. Помимо того, что понятие «язык населения» – это формула, не поддающаяся лингвистическому описанию, в этом терминологическом нагромождении

¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. - № 19. – С. 331.

присутствуют подходы, свойственные натуралистическим представлениям об этничности и мотивы маргинальности, адресованной тем, кто «проживает» где-то в стороне от исторически родных мест. Использованная здесь лексика отмечена стилистическими свойствами канцелярита. Остается только досадовать, что такая казенная формулировка буквально перешла из нормативно-правовой дискурсивной области в текст документа иной жанровой принадлежности – в документ стратегического планирования (акт правовой политики) «Концепцию государственной языковой политики Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации (от 12 июня 2024 г. № 1481-р).

С точки зрения (макро)социологии языка и прикладной социолингвистики формула «языковой суверенитет» за три десятилетия претерпела кардинальную смысловую трансформацию. Как юридико-декларативная норма законодательства она обозначала курс на сохранение культурно-языкового многообразия, на гарантированный и беспрепятственный выбор языка общения и социализации, исключающий какие бы то ни было ограничения. При этом имплицитно подразумевались интерлингвальная модель языковой политики, плюрализм идиоэтнических кодов с акцентами на аспектах миноритарных прав.

Суверенность применительно к языковым отношениям в начале 2020-х годов стала политико-идеологической установкой и фреймом, которые начали тяготеть к интраплингвальным смыслам, к восприятию русского языка как коммуникативной доминанты. Это было связано с внешними вызовами, со стремлением России избавиться от разного рода зависимостей, с угрозой нарастающего объёма заимствований. Исходное целеполагание в большей степени стало строиться на коммуникативной связности общества в целом, на том, что концептуально выражается в максиме цивилизационной самодостаточности.

«Языковой суверенитет» и фреймы суверенности в новой идеологической ситуации стали все больше приобретать агональный характер и контексты информационно-культурного противостояния с недружественными зарубежными силами. Поначалу формальных правовых велений при этом не предполагалось (в отличие от законодательства о культуре). Это, скорее, представляло в виде ценностных установок именно в виде фреймов-идеологем. Ситуация может расцениваться, по М. Бахтину, как явление «словесно-идеологического» плана, как нечто характеризующее «социально-идеологический и политический день» [Бахтин, 1975: 87].

Новейшие меры правовой политики применительно к социально- и культурно-коммуникативному устройству российского общества привели к тому, что можно условно расценивать как «языковой суверенитет 2.0». В документе стратегического планирования «Основы государственной языковой политики Российской Федерации» (утв. Указом

Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474) сформулировано положение о том, что соответствующий курс будет проводиться в целях (в том числе) «обеспечения национальной безопасности и суверенитета Российской Федерации в языковой сфере». Иначе говоря, рассматриваемая фрейм-идеологема приобретает высокий стратегический статус нормативного целеполагания. Логично ожидать появления эксплицитных определений суверенитета в контексте обновляемой модели языковой политики, что в когнитивном плане расширит концепты суверенности за счет регулятивно-правовых смысловых трактовок.

Сказанное с известной долей вероятности позволяет прогнозировать также и расширение категориального аппарата социолингвистической разработки вопросов сознательного регулирования языковых отношений в академическом формате, что может свидетельствовать об аналитических перспективах. Гипотетически можно, к примеру, рассмотреть эвристические возможности, появляющиеся при использовании в теоретической и прикладной социолингвистике категории «суверенная языковая политика». Это позволило бы различать меры, предпринимаемые правительством (по аналогии с субстантивными проявлениями «отраслевых суверенитетов»), с одной стороны, и политико-языковое регулирование по линии конкретных ведомств регионального и муниципального уровней публичной власти.

Кроме того, концепт «суверенная языковая политика» может стать полезным и в его соотнесении с таким предметом, как государственная языковая политика. Субъекты Российской Федерации в означенных пределах ведения обладают полнотой государственной власти, а республики в составе Российской Федерации, согласно Конституции, вправе устанавливать свои государственные языки. Это говорит о том, что на уровне российских республик языковая политика также обладает определенными признаками государственной. Далее, меры, связанные с поддержкой, сохранением, развитием и изучением русского языка как государственного, языков и культур народов России, проживающих на ее территории, отнесены к полномочиям субъектов, по закону «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (от 21.12.2021, № 414-ФЗ, в ред. от 13.12.2024). Однако расценивать это как выражение суверенитета неправомерно. Следовательно, терминологические образования «государственная языковая политика» и «суверенная языковая политика» различаются в нюансах, заслуживающих того, чтобы учитываться в исследовательской практике.

Далее, способы властного воздействия, характерные для суверенных субъектов, можно соотнести с негосударственными «действующими лицами» в языковой политике (или,

как иногда говорят, с «акторами вне суверенитета»). В публикациях по данной теме, в частности, рассматривается соответствующий корпоративный уровень: «...в крупных компаниях формируется специально создаваемая языковая политика, в том числе специально создаваемый словарь» [Милёхина, Ратмайр, 2017, 230]. При этом не упоминается широкий спектр общественных сил, которые причастны к политико-языковым отношениям, разнообразные профессиональные сообщества, отдельные энтузиасты, не входящие в официальные структуры и проч.

Концепты суверенности, как уже было отмечено выше, обладают смысловым двуединством, так как включают две стороны – независимость и верховенство. Первое естественным образом ассоциируется со способностью контролировать трансграничные потоки лингвистических сущностей (и не только лексики) или «избегать зависимости от внешнего влияния», как это разъясняется в официальных документах применительно к культурному суверенитету. Новейшая история содержит примеры делегирования суверенных полномочий, связанных с языковой политикой, на уровень наднациональных структур. Например, года участники Организации тюркских государств во время заседания в сентябре 2024 года в Баку специально созданной комиссии (при участии Тюркской академии и Института турецкого языка) объявили о создании единого тюркского алфавита, состоящего из 34 букв на основе латинской графики. Тем самым Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция и Узбекистан добровольно и *de jure* приняли решение об отказе от части своего «языкового суверенитета».

Другая грань концептов суверенности связана с верховенством. По смыслу это, вероятно, должно ассоциироваться с функциями нормирования языка. Акты языкового регулирования, понимаемые в терминах суверенитета, – это то, что касается всех граждан и жителей страны в целом, тогда как государственная языковая политика на уровне конкретных ведомств распространяется в своих решениях на часть общества. Так, согласно проекту приказа Министерства просвещения РФ, напряженно обсуждаемому на момент написания статьи, в образовательных стандартах (ФГОС) предполагается заменить положение «о реализации права на изучение родного языка, возможности получения основного общего образования на родном языке» на формулировку «язык народа Российской Федерации». При всей масштабности этой меры она охватывает, во-первых, не все социальное пространство в общенациональном измерении, а лишь участников образовательных отношений, и, во-вторых, скорее всего, не всю территорию страны, так как не учитывает родные языки в рамках программ общего образования в 2022/2023 учебном году в 61 субъекте РФ. Можно, вероятно,

усматривать готовящееся решение как событие на уровне государственной языковой политики, но, строго говоря, не в суверенном «формате».

К разряду действий в рамках суверенитета в языковой политике, несомненно, относится законодательство о государственном языке и языках народов России. Прежде всего, что также вписывается в логику суверенности, это требование соблюдать нормы русского литературного при его использовании как государственного. В нормативно-правовом смысле закреплены положения о тех сферах, в которых эта социально-волевая установка является императивной. Закон «О государственном языке Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 28.02.2023 N 52-ФЗ) прямо квалифицирует в виде отклонений от литературной нормы нецензурную брань и иностранные слова, имеющие общеупотребительные аналоги в русском языке и трактует нормы как «правила использования языковых средств», которые зафиксированы в нормативных словарях, справочниках и грамматиках. Российское правительство своим распоряжением (от 30 апреля 2025 г. № 1102-р) утвердило список нормативных словарей. Это значимая мера, связанная с полномочиями государства в сфере языкового суверенитета. Разумеется, не следует ожидать, что все аспекты поведения участников общественных отношений в вопросах функционирования языка будут урегулированы так, как это предполагается в правовом идеале. Когда обсуждаются вопросы использования языка как государственного, обычно имеется в виду понятность тех языковых средств, при помощи которых происходит общение властей и граждан, то есть предполагается возможность коммуникации для всех грамотных носителей литературного языка. Собственно законы, нормативные акты в этой области – это необходимые, но не достаточные меры. Как говорил об этом языковед А. Рудяков, «принятие Государственной думой Закона о вывесках – очень верный шаг в очень правильном направлении. И за ним должны последовать следующие важные и долгожданные шаги»¹¹.

Понятие «языковой суверенитет», следовательно, концептуально трансформируется. От состояния юридико-риторической формулы через фигуру публицистического высказывания он приближается к новому прочтению в контексте правовой политики (пока еще не в формальном юридическом толковании) в качестве стратегического ориентира.

В новейшей реинкарнации эта идея перестала обозначать феномен языковой ситуации в классическом понимании, свойственном предметным представлениям социолингвистического знания. Преодоление зависимости от ничем не обоснованного

¹¹ Рудяков А. Этюд об умении летать. Дети учатся пользоваться русским языком во многом вопреки тому, что преподается им в школе // Литературная газета. – 25 июня – 1 июля 2025.

использования иноязычных языковых средств требует сознательного воздействия на смыслообразующие стороны в общении властей и общественности по государственно значимым темам. Отсюда вытекает потребность в рефлексии по поводу когнитивных сторон социальной коммуникации.

3 | Контекст когнитивной политики

Присутствие темы суверенитета и языка можно наблюдать в весьма различающихся контекстах, и, соответственно, содержит специфические модальности, связанные с идентификацией угроз, указаниями на агональных целевых субъектов.

В предметном поле философско-политической рефлексии акцент приходится на ценностно-смысловые стороны рассматриваемого предмета. «Когда мы говорим о суверенитете духовном, культурном, цивилизационном – а именно об этом говорит президент В. Путин в своих посланиях – это с каждым днем приобретает все большую актуальность. Речь идет не о суверенных нарративах, а о суверенном языке, на котором можно будет высказать миллиарды суверенных нарративов, – пишет А. Дугин. – Если язык суверенен, то дискурс будет суверенен. Используя либеральный глобалистский западный европейский язык, можно сформулировать на этом языке суверенный российский дискурс, или два, или три, или десять. Но это для сиюминутных задач, для импортозамещения в рамках нарратива в очень краткосрочной перспективе. И здесь важно, прощаемся ли мы с коллективным Западом и как надолго. Или мы хотим, немножко пустив дымовую завесу суверенных нарративов, вернуться опять к этому глобальному языку» [Дугин, 2022].

Представитель сенаторского корпуса, глава комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со СМИ А. Пушков говорит о том, что «в России стоит разработать терминологическую систему, которая позволит сформировать «лингвистический суверенитет, являющийся неотъемлемой частью национального самосознания»¹². В информационном пространстве можно встретить и словосочетания «суверенная речь», «суверенная филология», «суверенный словарь», «суверенный словарный запас» и проч.

Независимо от того, артикулирован ли языковой суверенитет как отдельный концепт или он присутствует имплицитно, острые дискуссии вокруг этого тематического комплекса ведутся непрерывно. Импульсы, усиливающие напряжение, связаны с законопроектной и законотворческой деятельностью по поводу Федерального закона «О государственном языке

¹² Парламентская газета. – 27 декабря 2023.

Российской Федерации», в который были внесены изменения конституционного статуса русского языка как языка «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Сохраняющаяся поляризация экспертных оценок и общественного мнения – это предмет особого исследования, требующего многосторонних академических усилий. Она не может быть раскрыта даже в рамках данного исследования. Предметом рассмотрения в данном случае являются свойства языкового суверенитета как фрейма-идеологемы, имеющие, по мнению авторов, принципиальную значимость.

Согласно научным определениям, идеологемы представляют собой концептуальные единицы аксиологического плана. Как пишет Ю.Н. Караулов, это «семантико-тематические обозначения духовных ценностей в картине мира языковой личности» [Караулов, 1987: 153]. Однако, если признать производящей основой для концепта «идеологема» собственно идеологию, то необходимо принимать во внимание, что последняя обязательно должна содержать интенции представительства интересов не столько личности, сколько больших групп людей.

Фрейм-идеологема, повторимся, представляет собой когнитивную рамку без развернутого изложения всех содержательных элементов, т.е. именно рамочную структуру, не все «ячейки» которой заполнены эксплицитно. Авторы, рассматривающие эту проблему, часто ссылаются на бахтинский концепт «возможной гипотезы смысла» [См.: Бахтин, 1975: 182]. Иначе говоря, оперирование идеологемами в коммуникативных интересах предполагает закрытость смысловых комплексов в сочетании с несколькими потенциально возможными интерпретациями со стороны адресатов. Это обстоятельство отражено в одном из определений идеологемы в рамках специализированных разъяснений, когда идеологема определяется как «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова (выделено – О.Я., Н.М.)» [Радбиль, 1998: 22].

Идеологема «языковой суверенитет» в значительной мере отвечает этому критерию. Она представляет собой разновидность концептуально-метафорических средств или переноса «образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области» [Лакоф, 2003: 158]. Это идеологема, не предназначенная для обозначения какого-то структурного компонента государственного суверенитета, но символизирующая

определенную модель языкового функционирования в его субъектном социолингвистическом понимании.

Артикуляции языкового суверенитета происходят многопланово и представлено в разных жанровых сегментах информационного пространства авторами, принадлежащими к различны социально-профессиональным группам. Есть ряд характерных моментов, объединяющих подходы экспертов, политиков, публицистов, комментаторов и проч.

Преобладающая проблематика, применительно к которой фигурирует этот фрейм-идеологема, – тема иноязычных заимствований, англизмов, латинизированных языковых ландшафтов в городах и др. Оставляя в стороне многочисленные ламентации, звучащие со всех сторон, можно отметить: научно-аналитические типологии, которые раскрывали бы мотивационные механизмы субъектов, избыточно практикующих заимствования, еще, вероятно, ожидают своих исследователей. Понятно, что противодействовать речевым «девиациям» в молодежной и неформально-игровой среде весьма и весьма затруднительно, а идеологемы в этой сфере будут неэффективны. Какие меры можно принять, например, по отношению к СМИ, охотно подхватывающим и тиражирующим сетевые хештеги наподобие «монастыринга»¹³, «избинга с доингом и сенокосингом (отдыхом в деревенских реалиях)», о чем писала «Комсомольская правда»¹⁴? То же самое можно сказать о сленге менеджеров или жаргоне IT-сферы, носители которых, похоже, вовсе могут обходиться без русского языка. Призывать носителей подобных социолектов уважать ценности языкового суверенитета практически бесполезно. Более того, офисно-фольклорные прилагательное «трушный» или глагол «перетумачить» звучат довольно органично для русской лингвокультуры.

Особое место занимает пласт паразитарных заимствований, возникающих, например, в режиме ономатопеи и образующих феномен массовой культуры, который можно собирательно обозначить как шизгару. Бразильский госпел контрабандным образом превращается в звукоподражательный шлягер, а tambor («барабан» по-португальски) – в «мальчик хочет в Тамбов», а сказанное по-турецки ounama şicidim – в «ой, мама, шика дам». Другой вид лексического паразитизма – паронимический –зывающе быстро захватывает не только рекламное пространство (к примеру, новая кампания S7 Airlines – «Это наш выбор и ультиматум – посвятить себя небу и людям»). Вполне уютно этот феномен чувствует себя в

¹³ Что такое монастыринг и почему появился новый молодежный тренд на трудничество. (2024). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/young/525157-cto-takoe-monastyring-i-posetili-poavilsa-novyj-molodeznyj-trend-na-trudnichestvo>. Дата обращения: 28.04.2025.

¹⁴ Российская молодежь вместо отпуска уезжает жить и трудиться в монастыре: это новый модный способ отдыха. (2024). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27650/5001228/>. Дата обращения: 28.04.2025.

(полу-)официальном обиходе – инициация как выдвижение инициативы, фактура как количественное существительное (набрать фактуру).

Заемствованные слова появляются в языках и исчезают в ходе диахронического отбора. Дореволюционные словари иностранных слов служат надежным свидетельством этого лингвистического троизма. В издании, вышедшем в начале XX века под редакцией Федора Берга (которое, кстати говоря, бесплатно распространялось среди подписчиков и было призвано стать настольной книгой всякого образованного человека), можно найти множество подтверждающих примеров. Среди словарных статей – глагол абонироваться, существительное автодидакт (самоучка), агенда (записная книжка), адьюктор (помощник), алиментация («пропитание, содержание известных лиц»), аналогический («сообразный рассудку; соразмерный, правильный, сходный, подобный»), атторней («посредник между адвокатом и тяжущимся») и атторней генеральный (адвокат по гражданским делам казны и в то же время прокурор; обвиняющий в известных случаях от лица короны»), астроскоп («астрон. труба для нахождения на небе созвездий и звезд») [Словарь иностранныхъ словъ, 1901]. В словаре М.И. Михельсона присутствуют статьи о таких лесических единицах, как абдериты (иноск. – простаки), абцуг (тотчас), адамант (иноск. – человек твердый в убеждениях, как алмаз), адоратер (иноск. – поклонник, обожатель), акцидент (неожиданное событие), амфиторон (радушный хозяин), антецедент (прежний поступок, порядок, предшествовавший), апарнасы соблюдать (иноск. – приличия) … [Михельсон, 2006].

Избавление от лексики с инородной этимологией, которая не прижилась в коммуникативном обиходе, – это, как можно видеть, естественно-эволюционный процесс.

Центральная задача укрепления суверенных оснований языкового функционирования, по-видимому, не состоит в установлении какой-то государственной монополии на словоупотребление или формальных процедур лингвистической «натурализации». Американский английский, превратившийся, по словам Эрика Хобсбаума, в «правящий жаргон» или как пишет Кваме Аппиа, в «англофонный голос космополитизма» [Хобсбаум, 2006, 58; Аппия, 2024, 493] – не единственная угроза в этом смысле. Нормы литературного языка в качестве государственного следует соотнести с более широким спектром субстандартных вариантов – языковых средств, находящихся за пределами кодифицированных канонов. Разговорно-деловые гибриды, профессионализмы и проч. – все это широко представлено в аппаратно-чиновничих высказываниях и, более того, в массиве официальных документов правительственной и ведомственной принадлежности, которые по

определению должны были бы служить стилистическими эталонами языка, используемого в качестве государственного.

Утверждение правительственный распоряжением (от 30 апреля 2025 г. №1102-р) списка нормативных словарей, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, - это, безусловно, важнейшая мера, призванная укреплять принципы суверенности, но говорить об устраниении всех регуляторных пробелов было бы явно преждевременным. Многие вопросы, которые неизбежно будут возникать у непрофессиональной аудитории, требуют специальных и доступных для общественного понимания разъяснений.

Прежде всего, во множестве представлены казусы, связанные с принципами выбора словарных статей. Какие-то лексемы (к примеру, апгрейд) включены в состав Толкового словаря государственного языка, но отсутствуют в Словаре иностранных слов. Есть лексема «дипфейк», а исходного коллоканта «фейк» нет; есть информация о том, что такое картхолдер, но не представлены волатильность, каршеринг, кэшбек. Словарь трактует лексемы из области спорта, развлечений, жанров и течений поп- и рок-культуры (например, бисквит кейк-попс, музыкальное направление треш-метал). Наличие прилагательного стипль-чезный, как можно попутно отметить, по-особому выглядит на фоне отсутствующего стендалп’а. Эти примеры совершенно определенно диссонируют с языком в его государственных ипостасях.

Кроме того, словарного закрепления не получили некоторые лексемы, которые могут расцениваться как подлинные шиболеты сегодняшнего управленческого институционального вокабуларя. Если рассматривать нормативные словари как что-то, подлежащее императивному применению, то внушительный список терминов из публичных (правительственных, в том числе) текстов останется вне нормативного поля. Есть, к примеру, словарные статьи о стритрейсинге и трейсере (спортсмене, занимающем паркуром), но нет о коучинге и коуче (см. подзаголовок в газете «Коммерсант» - «До трети российских компаний держат в штате карьерного коуча»).

При этом критерий наличия общеупотребительных русскоязычных аналогов не всегда может рассматриваться как универсальный. Кроме того, ряд субстандартных языковых единиц не имеют статуса заимствований в буквальном смысле. Можно сослаться на некоторые наиболее показательные случаи, в частности, из области экономической политики. Так, в правительственные постановлениях встречаются следующие термины: платформенные решения, платформенная экономика, платформенная модель. При этом прилагательное «платформенный» в Части 2 Толкового словаря государственного языка Российской

Федерации трактуется как производное от существительного «платформа»: «8. Только СМИ, реклама и худож. лит-ра Толстая подошва у обуви. <Платформенный, -ая, -ое (1-3,5 зн.) Платформенная площадка, Платформенный настил, Платформенная жатка». Примерно то же можно видеть в контекстах, где используется прилагательное «продуктовый»: правительственный стратегия в области цифровой трансформации (от 6 ноября 2021 г. № 3141-р) включает помимо целей перехода к кастомизированной промышленной продукции один из пяти ключевых экосистемных проектов по укрупненным направлениям, охарактеризованный как продуктивные инновации. Напротив, Толковый словарь из списка нормативных изданий гласит: 6 «Продуктовый, -ая, ое. Связанный с продажей, хранением, перевозкой и т.п. продуктов, съестных припасов; ...в СССР: продовольственные карточки».

Из образовательной сферы: «Кампусная и инфраструктурная политика университета содействует достижению целей программы развития университета, опирается на глобальные тренды развития университетских кампусов и лучшие практики создания инфраструктуры для генерации, трансляции и трансфера знаний. Цель политики – создание кроссдисциплинарной когнитивной среды для акселерации развития человеческого капитала. Базовые принципы кампусной и инфраструктурной политики: многофункциональность и эксплуатационная гибкость кампусной среды; экологическая устойчивость и энергоэффективность; инклюзивность и доступность; комфортность; безопасность и открытость; цифровизация и умные технологии; многорезидентность, поликультурность и интернационализация»¹⁵. С другой стороны, словарная статья: «Кампус, -а; м. [англ. campus от лат. campus - поле]. В США и некоторых других странах: университетский городок (2 зн.)». Или: Образовательный форум «Международный Летний кампус Президентской академии».

В сфере молодежной политики во множестве используются настоящие оксюмороны: патриотический квиз, историко-патриотический хакатон (от хакерского марафона), «Изучаем Конституцию РФ. 10 лайфхаков», конкурс «Я – амбассадор Росмолодежь. Гранты!».

Можно выделить и примеры изменений межотраслевых контекстов. Так, сравнительно недавно появилось наречие-калька от *proactivity* – проактивность, которое демонстрирует свойства мощнейшего эмоционального воздействия. В психологии личности это слово используется для характеристики успешности индивидов, их инициативности, способности решать проблемы. Впоследствии эта языковая единица стала проникать в области организационного управления, стратегий развития, социальной политики (проактивный

¹⁵ Кампусная и инфраструктурная политика (2025). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://priority2030.tsu.ru/projects/kampusnaya-i-infrastrukturnaya-politika>. Дата обращения: 14.07.2025.

режим предоставления услуг – т.е. без участия реципиентов). В итоге это понятие утвердилось и в политико-идеологических текстах: воспитание патриотической, проактивной молодежи, «на проактивных страна держится...» и т.д.¹⁶.

Наконец, можно привести пример непосредственно из области языковой политики. В документе «Основы государственной языковой политики Российской Федерации» (утв. Указом Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474) выделено такое направление как «создание единой линейки школьных учебников на государственным языкам республик Российской Федерации», тогда как лексема «линейка» (соответствующие коллокации – «продуктовая линейка», «товарная линейка» - то, что объединено общим брендом) маркетинговых значений не предусматривает.

Таким образом, есть основания для констатации: происходящее демонстрирует параллельные процессы, когда наряду с кодификацией норм литературного языка при его использовании в качестве государственного в *de jure* понимании имеет место нечто иное. Это легитимация языковых средств, артикулирующих те или иные процессы в социально-коммуникативных зонах, охватывающих пространство государственно-общественных смыслов в режиме *de facto*, в явочном порядке, без лингвистического словарного закрепления. Зачастую это препятствует взаимопониманию, которое жизненно необходимо для контактов между властями, другими акторами, элитами, «так называемыми семиотическими работниками», с одной стороны, и публикой, рядовыми гражданами, обывателями, с другой стороны. Риски для широко понимаемой суверенности здесь также очевидны.

Одними регуляторными установлениями и предписаниями дискретного, одноактного плана достичь желаемых изменений невозможно. Речь должна вестись о формировании культуры рефлексивного речевого поведения всех, кто профессионально занят в социально-коммуникативных сферах использования русского литературного языка как государственного. Это предполагает способность пользоваться всеми языковыми средствами, призванными служить государственному управлению, шире – артикулировать общественно-политических смыслов, служащих институциональному и публичному общению.

Верховенство как смысловая составляющая суверенитета применительно к нормированию литературного русского языка при его использовании в качестве государственного – проблематика, нуждающаяся в многосторонних подходах и способах разрешения.

¹⁶ Необозримая Россия (2020). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://t-i.ru/articles/49594>. Дата обращения: 14.07.2025.

Языковая политика колеблется между полюсами прескрипции и толерантности, позитивного и негативного понимания правовых установлений. Своего рода центристская позиция здесь может заключаться в культивировании такого отношения к языку, при котором все носители данного государственного языка проявляют способность к рефлексии собственного речевого поведения и осознанно выбирают средство общения. В противном случае призывы чтить традиционные ценности в духе идеологем суверенности останутся благопожеланиями.

4 | Заключение

Таким образом, языковой суверенитет претерпевает в наши дни определенный рефрейминг. Из формально-нормативной плоскости, декларирования правового идеала, безлично-институционального закрепления этот понятийный конструкт сместился в иные публично-информационные сегменты. Она становится концептом, то есть продуктом авторско-индивидуального происхождения, отмеченным идиостилистическими (идиодискурсивными) свойствами, с окказиональным типом коллокации лингвистических понятий и фреймов суверенности, с нетривиальными лексико-семантическими сочетаниями, приобретая при этом когнитивный статус не фигуры квази-юридической риторики, но полноценной идеологемы. При этом наблюдается переход идеологемы «языковой суверенитет» из области законодательной риторики в медийные сегменты социально-политической информации. В своем новейшем пришествии в политico-правовое пространство это положение стало стратегическим целеполаганием государственной политики.

Ранее концепт ассоциировался с дву- и многоязычием, с нормативным оснащением культурно-языкового многообразия. Ныне идеологема «языковой суверенитет» тяготеет к моноцентричной картине коммуникативной связанности общества, к его самодостаточности, самостояния, в каком-то смысле – к аутентичности.

Насколько долговременной и действенной в практическом отношении окажется нынешняя версия языкового суверенитета, будет зависеть от множества факторов макросоциального и макрополитического масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

- Анниа К. Э. (2024) Этика идентичности. М.: Новое литературное обозрение. 504 с.
- Бахтин М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература. 506 с.
- Бурдье П. (2022) О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 720 с.
- Гиренок Ф. И. (2024) Клиповое сознание. М.: Проспект. 256 с.
- Губогло М. Н. (1998) Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры». 816 с.
- Дугин А. (2022) Нам нужен суверенный язык. Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/nam_nuzhen_suverennij_yazik. Дата обращения: 28.04.2025.
- Караулов Ю. Н. (1987) Русский язык и языковая личность. М.: Наука. 261 с.
- Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / отв. ред. Т. А. Милёхина, Р. Ратмайр. (2017) 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, Языки славянской культуры. 632 с.
- Красинский В. В. (2015) Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // Современное право. № 7. С. 5–11.
- Лакофф Дж. (2011) Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. М.: Гнозис. 512 с.
- Малышева Е. Г. (2009) Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. № 4. С. 32–40.
- Милёхина Т. (2017) Стратегическая сессия // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / отв. ред. Т. А. Милёхина, Р. Ратмайр. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, Языки славянской культуры. С. 233–256.
- Милёхина Т., Ратмайр Р. (2017) Совещания // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / отв. ред. Т. А. Милёхина, Р. Ратмайр. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, Языки славянской культуры. С. 213–231.
- Михельсон М. И. (2006) Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок. М.: ACT; ACT Москва; Транзиткнига. 1119 с.
- Мухаряев Н. М., Януш О. Б. (2020) Историческая интертекстуальность в российском правовом дискурсе о языках // Диалог со временем. Вып. 71. С. 39–48. Режим доступа: <https://roii.ru/r/1/71.4>. Дата обращения: 28.04.2025.
- Мухаряев Н. М. (2024) Социолингвистика политического // Политология. Новый лексикон / под ред. А. И. Соловьёва. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Аспект Пресс. С. 75–88.
- Радбиль Т. Б. (1998) Мифология языка Андрея Платонова. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ. 116 с.
- Словарь иностранных словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка (1901) / сост. под ред. Ф. Н. Берга. М.: Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. 752 с.
- Хобсбаум Э. (2005) Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. № 4 (49). С. 49–59.
- Януш О. Б., Мухаряев Н. М. (2025) Концепты суверенности в семантической деривации // Политическая наука. № 2. С. 41–61.
- A Renewed Commitment to Language Sovereignty and Revitalizing Indigenous Languages with Languages 4™ (2024) Languages 4™. Режим доступа: https://languages4.com/blog/14_blog_2.28.24_Mission_Affirmation.html. Дата обращения: 28.04.2025.
- Krasner S. D. (1999) Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Lakoff G. (2009) The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. London: Penguin Books. 292 p.

On respecting (Indigenous) linguistic sovereignty (б. г.) Faculty of Arts. Режим доступа:
<https://www.arts.ubc.ca/news/on-respecting-indigenous-linguistic-sovereignty/>. Дата обращения: 28.04.2025.

Reaume D. G. (2003) Beyond Personality: The Territorial and Personal Principles of Language Policy Reconsidered // In: Kymlicka W., Patten A. (eds.) *Language Rights and Political Theory*. Oxford: Oxford University Press. P. 273–295.

REFERENCES

- Appia, K.Je. (2024) *Jetika identichnosti* [Ethics of Identity]. Moscow: New Literary Review. 504 p. (In Russian).
- Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Research from Different Years]. Moscow: Fiction. 506 p. (In Russian).
- Burde, P. (2022) *O gosudarstve: kurs lektsii v Kollezh de Frans (1989–1992)* [On the State: Lecture Course at the Collège de France (1989–1992)]. Moscow: Publishing House “Delo” RANEPA. 720 p. (In Russian).
- Girenok, F.I. (2024) *Klipovoe soznanie* [Clip Consciousness]. Moscow: Avenue. 256 p. (In Russian).
- Guboglo, M.N. (1998) *Yazyki etnicheskoi mobilizatsii* [Languages of Ethnic Mobilization]. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. 816 p. (In Russian).
- Dugin, A. (2022) *Nam nuzhen suverenniy yazyk* [We Need a Sovereign Language]. Available at: https://zavtra.ru/blogs/nam_nuzhen_suverennij_yazik (Accessed: 28 April 2025). (In Russian).
- Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Science. 261 p. (In Russian).
- Khobsbaum, E. (2005) *Vse li yazyki ravny? Yazyk, kultura i natsionalnaya identichnost* [Are All Languages Equal? Language, Culture and National Identity]. *Logos*, No. 4 (49), pp. 49–59. (In Russian).
- Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyi analiz [Corporate Communication in Russia: A Discourse Analysis] (2017) / eds T.A. Milekhina and R. Ratmaier. Moscow: Publishing House YASK, Languages of Slavic Culture. 632 p. (In Russian).
- Krasinskii, V.V. (2015) *Gosudarstvennyi suverenitet: gnoseologicheskii aspekt problemy* [State Sovereignty: The Epistemological Aspect of the Problem]. *Sovremennoe pravo*, Issue 7, pp. 5–11. (In Russian).
- Lakoff, Dzh. (2011) *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii*. Kniga 1: *Razum vne mashiny* [Women, Fire, and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us About Thinking. Book 1: Minds Beyond the Machine]. Moscow: Gnosis. 512 p. (In Russian).
- Malysheva, E.G. (2009) *Ideologema kak lingvokognitivnyi fenomen: opredelenie i klassifikatsiya* [Ideologeme as a Linguacognitive Phenomenon: Definition and Classification]. *Politicheskaya lingvistika*, Issue 4, pp. 32–40. (In Russian).
- Mikhelson, M.I. (2006) *Tolkovyj slovar inostrannyykh slov, poslovits i pogovorok* [Explanatory Dictionary of Foreign Words, Proverbs and Sayings]. Moscow: AST; AST Moscow; Transitkniga. 1119 p. (In Russian).
- Milekhina, T. (2017) *Strategicheskaya sessiya* [Strategic Session]. In: *Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyi analiz* [Corporate Communication in Russia: A Discourse Analysis] / eds T.A. Milekhina and R. Ratmaier. Moscow: Publishing House YASK, Languages of Slavic Culture, pp. 233–256. (In Russian).
- Milekhina, T. and Ratmair, R. (2017) *Soveshchaniya* [Meetings]. In: *Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyi analiz* [Corporate Communication in Russia: A

- Discourse Analysis] / eds T.A. Milekhina and R. Ratmaier. Moscow: Publishing House YASK, Languages of Slavic Culture, pp. 213–231. (In Russian).
- Mukharyamov, N.M. and Yanush, O.B. (2020) Istoricheskaya intertekstualnost v rossiiskom pravovom diskurse o yazykakh [Historical Intertextuality in Russian Legal Discourse on Languages]. *Dialog so vremenem*, Issue 71, pp. 39–48. Available at: <https://roii.ru/r/1/71.4> (Accessed: 28 April 2025). (In Russian).
- Mukharyamov, N.M. (2024) Sotsiolingvistika politicheskogo [Sociolinguistics of the Political]. In: *Politologiya. Novyi leksikon* [Political Science. New Lexicon] / ed. A.I. Soloveva. Moscow: Publishing House “Aspect Press”, pp. 75–88. (In Russian).
- Radbil, T.B. (1998) Mifologiya yazyka Andreya Platonova [Mythology of Language by Andrei Platonov]. Nizhny Novgorod: Publishing House of NGPU. 116 p. (In Russian).
- Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language] (1901) / comp. under the editorship of F.N. Berg. Moscow: Tipo-lithographic Partnership of I.N. Kushnerev and Co. 752 p. (In Russian).
- Yanush, O.B. and Mukharyamov, N.M. (2025) Kontsepty suverennosti v semanticeskoi derivatsii [Concepts of Sovereignty in Semantic Derivation]. *Political Science*, No. 2, pp. 41–61. (In Russian).
- A Renewed Commitment to Language Sovereignty and Revitalizing Indigenous Languages with Languages* 4™ (2024). Available at: https://languages4.com/blog/l4_blog_2.28.24_Mission_Affirmation.html (Accessed: 28 April 2025).
- Krasner, S.D. (1999) *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Lakoff, G. (2009) *The Political Mind: A Cognitive Scientists Guide to Your Brain and Its Politics*. London: Penguin Books. 292 p.
- On Respecting (Indigenous) Linguistic Sovereignty*. Faculty of Arts. Available at: <https://www.arts.ubc.ca/news/on-respecting-indigenous-linguistic-sovereignty/> (Accessed: 28 April 2025).
- Reaume, D.G. (2003) Beyond personality: The territorial and personal principles of language policy reconsidered. In: W. Kymlicka and A. Patten (eds) *Language Rights and Political Theory*. Oxford: Oxford University Press, pp. 273–295.

Ольга Борисовна Януш – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии, политологии и права, ФГБОУ ВО «КГЭУ», Россия.
Адрес: 420066, Россия, Казань, ул. Красносельская, 51.
Эл. адрес: yanush_ob@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-5606-5984>

Наиль Мидхатович Мухарямов – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права, ФГБОУ ВО «КГЭУ», Россия.
Адрес: 42006, Россия, Казань, ул. Красносельская, 51.
Эл. адрес: n.mukharyamov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3810-824X>

Olga B. Yanush – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Associate Professor, Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Russia.

Address: Krasnosel'skaja St. 51, Kazan, Russia, 420066.

E-mail: yanush_ob@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-5606-5984>

Nail M. Mukharyamov – Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Russia.

Address: Krasnosel'skaja St. 51, Kazan, Russia, 420066.

E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3810-824X>

Для цитирования: Януш О.Б., Мухарямов Н.М. «Языковой суверенитет» как идеологема // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 42–66. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-42-66

For citation: Yanush O.B., Mukharyamov N.M. “Language sovereignty” as an ideologeme // Sociolinguistica. 2025. No. 3 (23). Pp. 42–66. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-42-66

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 30.04.2025;
approved after reviewing 14.05.2025;
accepted for publication 02.09.2025.